А. А. Шахматовъ.

Къ вопросу о польскомъ вліяніи на древнерусскіе говоры.

Оттискъ изъ „Русск. Филологич. Вѣстника".

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское предмѣстье № 3.
1912.

А. А. Шахматовъ.

Къ вопросу о польскомъ вліяніи на древнерусскіе говоры.

Оттискъ изъ „Русск. Филологич. Вѣстника".

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское предмѣстье № 3.
1912.

Къ вопросу
о польскомъ вліяніи на древнерусскіе говоры.

Въ 1908 году въ № 4 Р. Ф. В. появилось замѣчательное сообщеніе Л. Л. Васильева въ статьѣ, озаглавленной: „О случаѣ сохраненія общеславянской группы *-dl-* въ одномъ изъ старыхъ нарѣчій русскаго языка“. Онъ встрѣтилъ въ Строевскомъ спискѣ Псковской лѣтописи XVI в., нынѣ находящемся въ Погод. Собр. подъ № 1413, нѣсколько причастій на *-лъ* такого рода: блюглисѧ 88 (= блюлися), привегли 159 (= привели), на конь оусегли 153, на ко́нь оуссегли 154. Въ этихъ формахъ Л. Л. Васильевъ усмотрѣлъ сохраненіе общеславянскаго сочетанія *dl*, а измѣненіе *дл* въ *гл* объяснилъ положеніемъ *д* передъ слѣдующимъ мягкимъ сочетаніемъ *-ли*, указавъ какъ на примѣръ перехода *д* въ *г* обычное народное гля вм. для. Можно думать, что Л. Л. Васильевъ тогда же, въ 1908 году, призналъ открытыя имъ формы принадлежащими старому псковскому говору; въ этомъ убѣждаетъ его ссылка на псковское (а также и новгородское) явленіе, приведшее къ сочетанію *жг* на мѣсто сочетанія *ждж* общерусскаго праязыка.

Въ слѣдующемъ 1909 году Н. М. Каринскій, въ изслѣдованіи „Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ“, привелъ еще пять случаевъ причастныхъ формъ на *-ли* изъ того же Строевскаго списка Псковской лѣтописи: всегли 182, повегле 192, привегли 196 об., повѣгли 198, повегли 123. Кромѣ того Н. М. Каринскій нашелъ въ Палеѣ по псковскому списку 1494 года: привегли, въ Палеѣ по псковскому же списку 1477 г.: привегли, въ псковскомъ сборникѣ Син. библ. № 154: привегли. На-

конецъ, Н. М. Каринскій отмѣтилъ *кл* вм. *тл* также въ причастныхъ формахъ въ двухъ псковскихъ памятникахъ: соустрѣкли въ Строевскомъ спискѣ Псковской 1-й лѣтописи (л. 197 об.) и чькли въ псковскомъ сборн. Соф. Библ. № 1262. Признавъ оба явленія *дл*, откуда *гл*, и *тл*, откуда *кл*, псковскими діалектическими особенностями, Н. М. Каринскій не нашелъ возможнымъ видѣть, вслѣдъ за Л. Л. Васильевымъ, въ *г* и *к* рефлексъ общеславянскихъ *д* и *т*. Измѣненіе сочетаній *дл* и *тл* въ *л* Н. М. Каринскій призналъ восходящимъ къ общерусской эпохѣ, если не предполагать его еще въ говорахъ общеславянскаго языка — и это въ виду того, что такое же измѣненіе свойственно языкамъ болгарскому и сербскому. Отмѣтивъ, что, напр., въ Строевскомъ спискѣ Псковской 1-й лѣтописи, гдѣ господствуютъ формы на *-гли*, слова какъ: молитвою, правилехъ не измѣнены въ моглитвою, правиглехъ, Н. М. Каринскій заключилъ о томъ, что въ оусегли и чькли мы имѣемъ дѣло съ новыми *д* и *т*, возникшими на псковской почвѣ передъ флексіей прошедшаго времени: бѣгу—бѣгли, везу—везли вызвали по аналогіи блюдли, ведли при блюду, веду (отсюда: блюгли, вегли).

Въ рецензіи на трудъ Н. М. Каринскаго (Ж. М. Н. П. 1909 № 7) я привелъ въ дополненіе къ указаннымъ раньше фактамъ еще „привегли есме невѣсту“ изъ псковской, теперь Креховской палеи XV в. Кромѣ того отмѣтилъ форму чтли въ Новгородской 2-й лѣтописи по Архивскому списку (изд. Археогр. Коммиссіи: „Новгородская 2-я и 3-я лѣтописи“, стр. 111). Предложенное Н. М. Каринскимъ объясненіе такихъ формъ какъ результатъ аналогіи я призналъ пріемлемымъ.

Въ написанной по поводу того же труда Н. М. Каринскаго замѣткѣ А. И. Соболевскаго „Важная особенность стараго псковскаго говора“ (Р. Ф. В. 1909 №№ 3 и 4) находимъ цѣнное дополненіе къ отмѣченнымъ выше примѣрамъ причастій на *-гли*: „Кромѣ памятниковъ псковскихъ, использованныхъ Н. М. Каринскимъ, одну форму съ *гл* вмѣсто *(дл)* — сообщаетъ Соболевскій — мы нашли въ Синодальномъ спискѣ 1-й Новгородской лѣтописи XIV вѣка подъ 1228 г.: пльсковіци же тъгда бяху подъвегли нѣмьци и чюд(ь). Другіе списки той же лѣто-

писи имѣютъ здѣсь: подвели, подвелѣ. Какъ видно изъ нашей выписки, разсказъ идетъ о *псковскомъ* событіи, и потому мы не рискуемъ приписывать форму подъвегли древнему новгородскому говору". А. И. Соболевскій для объясненія псковскихъ причастныхъ формъ на *-гли* выставилъ слѣдующее предположеніе. „Нѣкогда, въ глубокой древности, когда во всемъ общеславянскомъ языкѣ еще сохранялись группы *дл* и *тл*, нѣсколько говоровъ этого языка получили измѣненіе *д* и *т* этихъ группъ въ *г* и *к*. Это были тѣ говоры, которые въ то время сосѣдили съ пралитовскими говорами [1]). Съ теченіемъ времени одни изъ этихъ говоровъ (большая часть) вошли въ составъ польскаго языка, другіе — въ составъ полабскаго (остатокъ его — кашебскіе говоры) [2]), третьи — въ составъ русскаго. Само собою разумѣется, названные говоры общеславянскаго языка должны были сосѣдить также другъ съ другомъ и при этомъ быть, какъ это всегда бываетъ, — переходными по отношенію другъ къ другу. Слѣдовательно, отдаленный предокъ псковскаго говора нѣкогда былъ переходнымъ отъ восточныхъ говоровъ обще-славянскаго языка (составившихъ русскій языкъ) къ говорамъ сѣверо-западнымъ того же языка (вошедшимъ въ составъ, между прочимъ польскаго языка)". Ниже читаемъ: „Если мы признаемъ, что предокъ псковскаго говора былъ въ древности переходнымъ отъ русскихъ говоровъ къ польскимъ, — нами будетъ установлена древность крупнѣйшей черты псковскаго говора — смѣшенія свистящихъ и шипящихъ согласныхъ (*ц* и *ч*, *з* и *ж*, *с* и *ш*): она имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ „мазураканьѣ" польскихъ говоровъ, т. е. въ замѣнѣ всѣхъ шипящихъ соотвѣтствующими свистящими" [3]).

---

[1]) Выше А. И. Соболевскій указывалъ, что *г* и *к* передъ *л* изъ *д* и *т* извѣстны литовскому языку и присущи ему, повидимому, съ очень древней, едва ли не съ литовско-латышской эпохи: лит. eglē = ц.-слав. ю(д)ль, польск. jodła.

[2]) Выше А. И. Соболевскій указывалъ на отмѣченное еще и Н. М. Каринскимъ измѣненіе *dl, tl* въ *gl, kl* въ польскихъ говорахъ (moglić, zemglal, wąklicy) и на измѣненіе *d* въ *g* передъ *l* и *ł* въ кашебскомъ (словинскомъ) говорѣ: żagło = польск. żądło.

[3]) Тѣ же мысли высказаны А. И. Соболевскимъ въ Р. Ф. В. 1911 г.

Б. М. Ляпуновъ въ рецензіи на трудъ Н. М. Каринскаго въ Отчетѣ о присужденіи премій имени гр. Д. А. Толстого въ 1910 г. (рецензія эта извѣстна пока лишь въ авторскихъ оттискахъ) призналъ точку зрѣнія, развитую А. И. Соболевскимъ, весьма вѣроятною, но отсутствіе *гл* въ корняхъ словъ или суффиксѣ *-dlo* въ псковскихъ памятникахъ (напр. Погод. лѣтопись пишетъ только *молитвою, помолившеся, правилехъ*) заставило Б. М. Ляпунова колебаться въ окончательномъ рѣшеніи и ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Въ 1911 году въ журналѣ „Славянство", № 4—6, псковскія *гл*, *кл*, восходящія къ *дл*, *тл*, я призналъ польской чертой, вошедшею въ псковскій говоръ, такою же чертой, какъ шепелявое произношеніе мягкихъ *с* и *з*, шепелявое произношеніе *ц*, вызванное этимъ смѣшеніе *с*, *з*, *ц* съ *ш*, *ж*, *ч*, а также дзеканье и цеканье, не чуждое псковскимъ говорамъ. Проникновеніе польскихъ чертъ въ псковскій, а также въ другіе сѣвернорусскіе и бѣлорусскіе говоры (ср. сѣвернорусское смѣшеніе *ц* и *ч*, бѣлорусское и сѣвернорусское дзеканье, и т. д.) я объяснялъ тѣмъ, что средняя часть Россіи была нѣкогда колонизована ляшскими племенами (ср. преданіе лѣтописи о ляшскомъ происхожденіи Радимичей и Вятичей), которыя позже уступили мѣсто русскимъ племенамъ, явившимся съ юга, покорившимъ себѣ Ляховъ, ассимилировавшимъ ихъ себѣ, но воспріявшимъ при этомъ отъ нихъ рядъ звуковыхъ особенностей. Давая подобное объясненіе псковскимъ причастіямъ на *-гли, -кли*, я однако до послѣдняго времени колебался передъ возможностью признать ихъ вслѣдъ за Н. М. Каринскимъ новообразованіями. Колебанія мои вызывались: во-первыхъ, тѣмъ, что *-гл-*, *-кл-* ограничиваются опредѣленною грамматическою категоріей (причастіями); во-вторыхъ, тѣмъ, что мнѣ пришлось встрѣтить подобныя причастныя формы съ *-гл-*, *-кл-* въ такихъ отдаленныхъ отъ польской границы говорахъ, гдѣ, казалось бы, трудно допустить наличность ляшскихъ особенностей. Впрочемъ, отрицать возможность проникновенія далеко вглубь сѣвернорусскихъ го-

---

№№ 3—4, с. 401—404. См. то же въ отд. оттискѣ, изданномъ подъ заглавіемъ „Лингвистическія и археологическія наблюденія", выпускъ II, с. 47.

воровъ ляшскихъ чертъ я не рѣшался, въ виду общаго всѣмъ этимъ говорамъ смѣшенія *ц* и *ч*, поставленнаго мною въ зависимость отъ вліянія польскихъ мазуракающихъ говоровъ на говоры сѣвернорусскіе.

Прежде чѣмъ привести тѣ данныя, которыя разсѣяли мои колебанія, я укажу, въ дополненіе къ приведеннымъ выше формамъ, на слѣдующіе факты.

Во-первыхъ, въ Строевскомъ спискѣ Псковской 1-й лѣтописи форму повегле надо, вслѣдъ за Н. М. Каринскимъ (стр. 189), признать за 3 л. ед.; ср. въ томъ же мѣстѣ этой лѣтописи 3 л. ед. свегле [1]). У насъ нѣтъ основаній читать *-ле* въ формѣ ед. ч. м. р. причастій какъ *l'е*; вѣроятно, что *-ле* надо читать *-łе*. Такимъ образомъ оказалось бы, что *д* измѣнялось въ *г* не только передъ мягкимъ *л*, но и передъ твердымъ.

Во-вторыхъ, во всѣхъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи, кромѣ Академическаго, читаемъ подъ 6643 (1135) годомъ: „силно бо възмяклася (возмяклася) земля Руская". Въ Акад. сп.: възмялася, такъ же въ Новг. 1-й лѣт. Форма возмяклася вмѣсто возмятлася, ср. возмятуся, возмятошася. Итакъ видимъ *тл* = *кл* въ Новгородской области.

Въ-третьихъ, въ одной изъ сказокъ, собранныхъ въ 1870 году И. И. Василевымъ въ Виделебскомъ приходѣ Псковскаго уѣзда (рукопись И. Г. О., XXXII. 28), читаемъ: „У него лошаденька дурная, оступили слѣпни и комары: онъ взялъ полотномъ накрылъ и убилъ възаразъ, взялъ перецокъ [2]) — 700 слѣпнёвъ, а комаровъ и смѣты нѣтъ". Ясно, что перецокъ — это перечелъ; перецокъ вм. перецоклъ, а это изъ перецотлъ. Итакъ *тл* перешло въ *кл* и при твердости *л*. Сопоставьте съ этимъ прицкла̀сь въ выраженіи, оставленномъ безъ объясненія, „тётунька прицкла̀сь", въ рукописи И. Г. О. XXXII. 33, содержащей

---

[1]) „А какъ прочь едя кнзь великои и поима с собою новгородскых бояръ 6 и мареоу с собою повегле на москвоу... а инѣхъ съ собою живыхъ свегле". См. въ П. С. Р. Л. IV, 261 (1478 годъ), гдѣ по списку XVII в. напечатано: „и Мареу съ собою повезе на Москву... а иныхъ съ собою живыхъ свезе".

[2]) Въ рукописи *к* зачеркнуто, надъ нимъ знакъ ?, а на полѣ поправлено: „л (?)".

трудъ I. Златинскаго „Этн. свѣд. о жителяхъ Вязовскаго прихода Великолуцкаго уѣзда“.

Въ-четвертыхъ, причастныя формы на *-ли* встрѣтились въ Хлудовскомъ спискѣ XVI в. Стоглава, который нѣтъ основанія признать псковскимъ (но сѣвернорусскія особенности въ немъ имѣются). Мы читаемъ здѣсь: „чтобы православные крстіане такихъ богоотреченныхъ святыми отцы седмью соборы отверьженыхъ тѣхъ всехъ еретическихъ книгъ оу собя не дръжали и не чькли (въ Акад. сп.: и не чтли), а которые будоутъ люди по сѣ мѣста тѣ еретическіа и отреченныя оу собя книги дръжали и чькли и впередъ бы оу собя таковыхъ еретическихъ книгъ не дръжали и не чькли“ (изд. Н. Субботина въ Прилож. къ Братскому Слову за 1890 г., стр. 189). — Въ двухъ актахъ Лодомской церкви Архангельск. уѣзда находимъ: „и всѣ тѣ росходы сочклисе въ тѣхъ же деньгахъ съ тѣхъ пяти веревокъ“ (1571 г., въ изд. Археогр. Комм. № XCV), „и мы въ томъ промежу собою сочклись“ (1585, № CLXXVIII), ср. выраженіе „счелся есми“, напр., въ актѣ 1578 г. № CXXVII. Итакъ причастія на *-кли* были извѣстны и на Сѣверной Двинѣ.

Казалось бы, что въ виду такихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о широкомъ распространеніи причастныхъ формъ на *-гл-* вм. *-л-*, исключена возможность объясненія ихъ въ псковскомъ говорѣ какъ результатъ польскаго вліянія. Казалось бы, что необходимо согласиться съ объясненіемъ, предложеннымъ Н. М. Каринскимъ, и толковать формы на *-глэ*, *-г*, *-гла*, *-гли* (изъ *-длэ*, *-дл*, *-дла*, *-дли*) какъ результатъ грамматической аналогіи. Но оказывается, что сочетаніе *-гл-* изъ *-дл-*, и при томъ изъ нерусскаго *-дл-*, было извѣстно въ Псковской области не только въ причастіяхъ, но также и въ одномъ существительномъ, при чемъ исключена возможность объясненія *-дл-*, откуда *-гл-*, вліяніемъ какой-либо аналогіи.

Въ выписи изъ Псковскихъ писцовыхъ книгъ второй половины XVII в., принадлежащей Библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ и недавно изданной А. Я. Лихтерманомъ въ № 8 „Трудовъ Псковскаго Археологическаго Общества“ за 1912 г. [1]), на-

[1]) Имѣется и отдѣльный оттискъ подъ заглавіемъ „Новонайденные документы, относящіеся до Псковской старины“. Псковъ. 1912.

ходимъ форму *жерегла* род. ед. отъ жерегло въ значеніи, какъ мнѣ кажется, широкаго устья рѣки, въ данномъ случаѣ рѣки Мды, впадающей въ одинъ изъ заливовъ Чудскаго озера. А. Я. Лихтерманъ объяснилъ жерегло какъ „русло заболоченной рѣки" (подстрочное прим. на с. 30), но, кажется, естественнѣе понимать это слово какъ устье, широкое устье рѣки. Приведу всѣ три фразы, гдѣ встрѣтилось это слово: „а ловятъ тѣ ловцы влдчни *десятю* неводы; с одну сторону *под* Раскапелю [1]) ловя*т* о*т* Заечья острова [2]), о*т* *жерегла* малы*м* частымъ неводо*м* на берегу к Роскапели, а к острову Заечю о*т* *жерегла* не ловитъ нихто". „Црковные Николы Чудотворца с Кобыля с Поленские губы да Георгия стго изо Мды по половина*м* ме*ж* гсдрвы рыбные ловли, что по*д* Люшины*м* острово*м* и ме*ж* Троецки*х* во*д* о*т* *жерегла* двѣ топи, ходи*т* оди*н* нево*д*".

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что псковское *жерегло* — это *жерело* другихъ русскихъ говоровъ; ср. въ лѣтописи: „А Днѣпръ втечеть в Попетьское море жереломъ", „и вътечеть (Волга) семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское". Русское жерело восходитъ къ общеслав. žerdło, ср. старослав. жрѣло, ждрѣло (голосъ), сербск. ждриjело, чешск. žřídlo, (ключъ, источникъ), польск. źrzodło, нижнелуж. žředlo. Слѣдовательно, псковская форма жерегло ведетъ къ *жередло.

Передъ изслѣдователемъ рѣзко ставится такимъ образомъ вопросъ, какъ могло появиться въ древне-псковскомъ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ сѣвернорусскихъ говорахъ сочетаніе *-дл-*, откуда *-гл-*: это сочетаніе измѣнилось фонетически въ *-л-* еще въ ту эпоху, когда восточные и южные славянскіе языки составляли одно цѣлое, къ противоположность западнымъ славянскимъ языкамъ, уже отдѣлившимся тогда отъ общеславянской семьи. Дѣйствительно, во всѣхъ южныхъ славянскихъ языкахъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ словенскихъ говоровъ, примыкавшихъ, очевидно, къ западному славянству), равно так-

---

1) Раскапель ср. совр. Раскопель деревня Гдовск. уѣзда при Чудскомъ озерѣ.

2) Знаки препинанія разставлены мною; быть можетъ, надо читать: а отъ жерегла; А. Я. Лихтерманъ не ставитъ запятой послѣ словъ „отъ Заечья острова".

же и во всѣхъ русскихъ языкахъ общеслав. *sadło, *vedli измѣнилось въ sało, veli (ср. болг., сербск., словенск. salo, veli, великор., малор. сало, вели, при чешск. sádlo, польск., верхнелуж. sadło, полабск. sodlü, чешск. vedli, польск. wiedli). Слѣдовательно, появленіе въ томъ или другомъ русскомъ говорѣ формы *ведли и т. п. указываетъ или на совершенно особое положеніе этого говора въ русской семьѣ, или на смѣшеніе его съ однимъ изъ западнославянскихъ говоровъ. А. И. Соболевскій остановился на первомъ изъ обоихъ указанныхъ заключеній. По его мнѣнію отдаленный предокъ псковскаго говора нѣкогда былъ переходнымъ отъ восточныхъ говоровъ общеслав. языка (составившихъ русскій языкъ) къ говорамъ сѣверо-западнымъ того же языка (вошедшимъ въ составъ, между прочимъ, польскаго языка). Не отрицаю возможности того, что подобные переходные говоры существовали въ общеслав. праязыкѣ, но думаю, что позднѣйшее распаденіе общеслав. праязыка вызывало новыя группировки, при которыхъ древніе его говоры, входя въ составъ новыхъ діалектическихъ группъ, воспринимали всѣ тѣ черты, которыми объединялись эти вновь образовавшіяся группы. На вопросъ, гдѣ были предки Псковичей, когда восточное и южное славянство переживало рядъ звуковыхъ явленій, неизвѣстныхъ западному славянству, точно также какъ на вопросъ, гдѣ были предки Псковичей, когда восточное славянство, обособившись отъ всѣхъ прочихъ славянъ, зажило самостоятельною языковою жизнью — на эти два вопроса можетъ быть только одинъ отвѣтъ: предки Псковичей находились въ то время въ составѣ восточнаго славянства. Но, находясь въ составѣ восточнаго славянства, они должны были пережить въ своемъ языкѣ всѣ тѣ явленія, которыя переживало восточное славянство. И дѣйствительно, мы видимъ въ языкѣ Псковичей полногласіе, *ч* и *ж* на мѣстѣ общеслав. *tj, dj,* звуки *у* и *а* на мѣстѣ общеслав. носовыхъ, видимъ *л'* на мѣстѣ *j* послѣ губныхъ (люблю), и т. д. Спрашивается, какимъ же образомъ устояли въ языкѣ предковъ Псковичей группы *-дл-, -тл-,* когда всѣ остальные звуки и звуковыя сочетанія, унаслѣдованныя имъ въ концѣ концовъ отъ общеслав. праязыка, подверглись въ немъ тѣмъ самымъ измѣненіямъ, ка-

кимъ они подлежали во всѣхъ другихъ русскихъ языкахъ, нарѣчіяхъ, говорахъ? Правда, можно было бы предположить, вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ, что *-дл-*, *-тл-* еще въ діалектахъ общеслав. праязыка (и къ такимъ діалектамъ относился бы говоръ предковъ Псковичей) перешли въ *-гл-*, *-кл-*, причемъ *-гл-*, *-кл-* не подлежали измѣненію въ русской семьѣ говоровъ, а говоръ предковъ Псковичей примкнулъ именно къ ней, но едва ли имѣются какія-нибудь основанія для подобнаго рода предположенія. Ссылка А. И. Соболевскаго на польскіе говоры не убѣждаетъ въ томъ, чтобы измѣненіе *dl*, *tl* въ *gl*, *kl* могло быть діалектическимъ явленіемъ общеслав. праязыка: изъ такихъ случаевъ какъ zemgłał, wąklicy видно, что переходъ этотъ имѣлъ мѣсто въ сравнительно позднюю эпоху, ибо ему подверглись также сочетанія *tl*, *dl* новаго происхожденія (изъ *dъl*, *tъl*); переходъ *dl* въ *gl* ограничивается въ кашубскомъ (словинцскомъ) говорѣ тремя словами (smarglä-na, žąglo, mglâųc) [1]). Въ виду этого считаю необходимымъ отвергнуть гипотезу объ особомъ положеніи Псковскаго говора въ семьѣ славянскихъ языковъ.

Псковскій говоръ насквозь русскій; онъ восходитъ къ общерусск. праязыку; въ немъ оказываются однако чуждые русскому языку элементы; ихъ можно объяснить вліяніемъ, оказаннымъ на языкъ Псковичей со стороны одного изъ ляшскихъ говоровъ. Вліяніе это сказывается весьма рѣзко въ произношеніи мягкихъ свистящихъ *с̓* и *з̓*; они произносились такъ же, какъ въ польскомъ языкѣ — шепеляво; это повело къ смѣшенію ихъ съ *ш* и *ж*. А. И. Соболевскій призналъ тѣсную связь между псковскимъ смѣшеніемъ *ц* и *ч*, *з* и *ж*, *с* и *ш* и „мазураканьемъ“ польскихъ говоровъ, т. е. замѣной всѣхъ шипящихъ соотвѣтствующими свистящими; но едва ли кто рѣшится возводить „мазураканье“ къ діалектическимъ явленіямъ общеслав. праязыка; если псковскій говоръ сближается съ польскимъ сравнительно новымъ звуковымъ явленіемъ, каковымъ оказывается смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ, то наличность въ немъ другой ляшской черты, сочетаній *-дл-*, *-тл-*, не можетъ

1) Lorenz, Slov. Gramm. 162, 130.

свидѣтельствовать о происхожденіи этихъ псковскихъ *-дл-*, *-тл-* (откуда *-гл-*, *-кл-*) прямо изъ общеслав. праязыка.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній я признаю вѣроятнымъ, что сѣвернорусы, въ своемъ поступательномъ движеніи къ сѣверу изъ бассейна средняго теченія Днѣпра, встрѣтились со значительными ляшскими поселеніями, распространившимися, быть можетъ, еще въ VII—VIII вѣкѣ на востокъ отъ исконно польской территоріи. Ляхи были поглощены русскою волною, но, смѣшавшись съ сѣвернорусами, они передали имъ нѣкоторыя свои звуковыя особенности, вызвавъ между прочимъ и смѣшеніе *ц* съ *ч*. На сѣверозападной окраинѣ борьба между ляшскими и русскими элементами была упорнѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, занятыхъ сѣвернорусами; Ляхи ассимилировались русскимъ и здѣсь, но передали поглотившему ихъ племени рядъ рѣзкихъ звуковыхъ чертъ: къ такимъ чертамъ относится упорное сохраненіе сочетаній *-дл-*, *-тл-*, замѣненныхъ черезъ *-гл-*, *-кл-*, на мѣстѣ русскаго звука *-л-* [1]).

Возвращаясь къ формѣ *жерегло* (или *жерёгло*) высказываю предположеніе, что мы имѣемъ передъ собой измѣненіе польскаго *źrodło или *źrogło подъ вліяніемъ русск. *жерело, жерёло.*

Въ заключеніе укажу на то, что финскіе языки своими заимствованными изъ славянскихъ языковъ элементами представляютъ значительный интересъ при изслѣдованіи вопроса о русско-польскихъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, остановлюсь на эстонск. mogel, mugel „Seifenlauge". Какъ указалъ Альквистъ (Kulturwörter der westfinn. Sprachen, 123), это слово стоитъ въ связи съ русскимъ мыло. Однако его нельзя возвести непосредственно къ мыло; въ основаніи его лежитъ или польское mydło или предполагаемое псковское *мыгло.

---

[1]) Къ ляшскимъ чертамъ относится также дзеканье и цеканье, свойственныя нѣкоторымъ псковскимъ говорамъ. Псковское адэнье вм. одонье ведетъ также къ польскому вліянію. — Отмѣчу *Ляхово*, названіе селеній Псковскаго, Опочецкаго, Торопецкаго и двухъ Великолуцкаго уѣзда; *Поляки* — Псковскаго, Опочецкаго, Торопецкаго, Холмскаго и двухъ Островскаго уѣзда. Конечно, безъ предварительныхъ изслѣдованій историческихъ, выводовъ изъ названій географическихъ дѣлать нельзя.

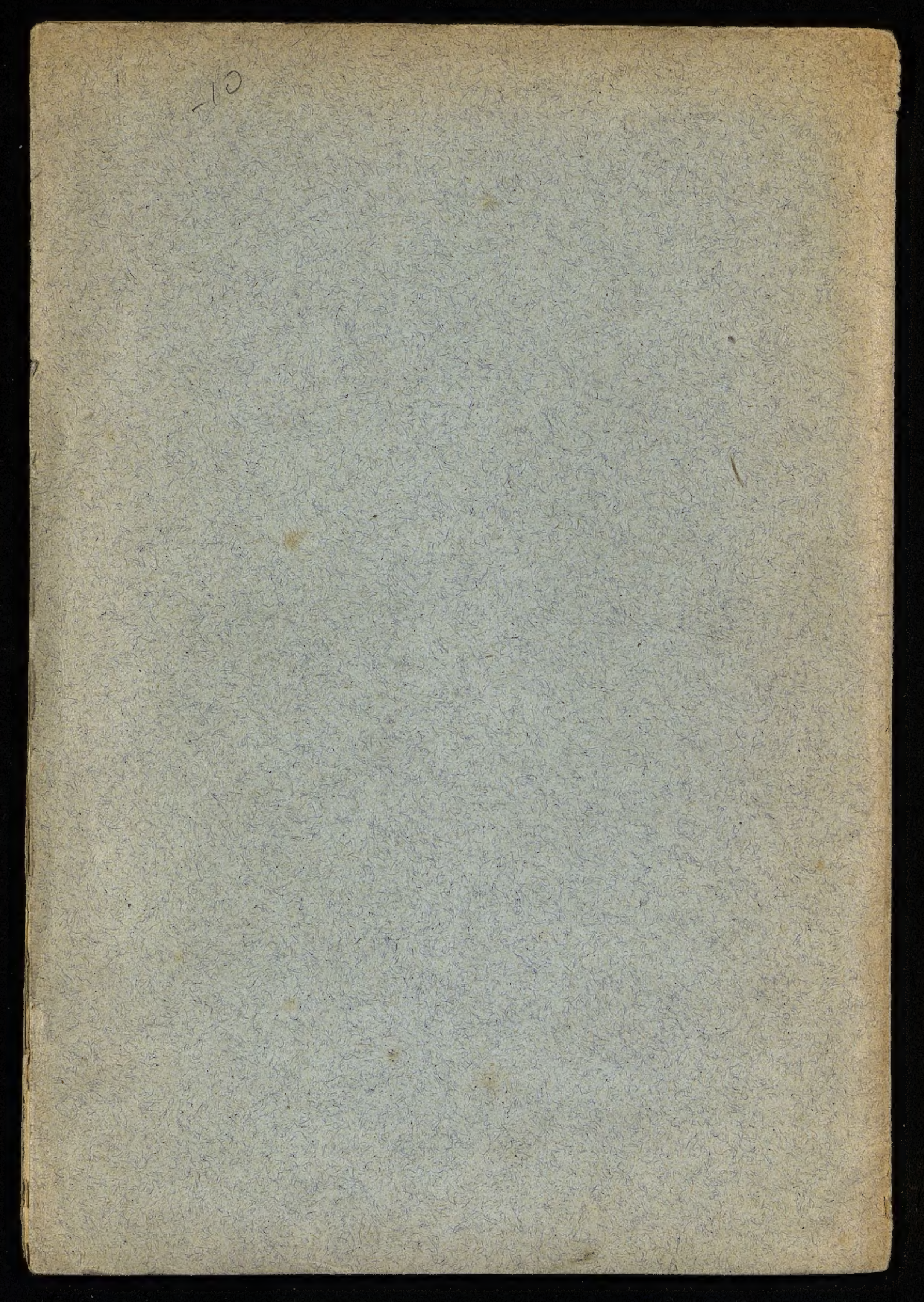
Во-вторыхъ, западно-финскіе языки въ нѣкоторыхъ своихъ заимствованіяхъ изъ славянскаго обнаруживаютъ слѣды носовыхъ звуковъ. Сюда относятся обще-западно-финскія слова: финск. kuontalo прялка, вотск. kōntala, эст. kōnal (Миккола возводитъ ихъ къ слову, соотвѣтствующему старослав. кѫдѣль); финск. suntia, sontio : церковный сторожъ, эст. suńd : судья, судъ, принужденіе, ливск. suńd : судья (Миккола сопоставляетъ съ старослав. сѫдии, сѫдъ); финск. suntia : наказывать, срамить, эст. suńdima : судить, принуждать (Миккола сопоставляетъ съ старослав. сѫдити). Далѣе сюда относятся эст. und : двухзубчатая удочка, ливск. ūnda : удочка (ср. старослав. ѫда). Миккола возводитъ эти финскія слова къ древне-русскимъ; онъ предполагаетъ, что русское вліяніе на финскіе языки началось еще тогда, когда въ русскомъ языкѣ не были утрачены носовые звуки [1]). Но это представляется мало вѣроятнымъ: носовыя утрачены еще въ общерусскомъ праязыкѣ, а общерусская прародина едва ли соприкасалась съ финскими поселеніями; рядъ данныхъ заставляетъ искать общерусскую прародину въ Поднѣстровьѣ и среднемъ Поднѣпровьѣ; русскіе были отдѣлены отъ финновъ балтійскими языками. Поэтому приведенныя слова едва ли могутъ быть возведены къ языку древне-русскому; ихъ можно возвести или къ общеславянскому праязыку, или къ одному изъ западнославянскихъ языковъ, а именно къ польскому. Если допустимъ, что средняя Россія, въ частности сѣверное Поднѣпровье было заселено Ляхами до появленія тамъ русскихъ, мы поймемъ, что встрѣча Ляховъ съ Финнами была неизбѣжна.

А. Шахматовъ.

30 сент. 1912.

---

[1]) J. Mikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slawischen Sprachen. Helsingfors 1894.

-10